

Е. И. ДЕРГАЧЕВА-СКОП

«Похвала» Сибири С. У. Ремезова¹

Среди карт и деловых статей «Служебной чертежной книги» С. У. Ремезова,² являющейся своеобразной «записной книжкой» сибирского картографа, имеется ряд сочинений литературного характера: «Победа на Кучума-царя. Очищение всей Сибири», «Уподобление Сибирские страны», «Чудесная статья подобие града Тобольска», «История Тобольского града архиереом».

Указывая на то, что в «Служебную чертежную книгу» входят «неизвестные статьи С. У. Ремезова, любопытные для характеристики его как писателя конца XVII—начала XVIII в.»,³ А. И. Андреев, отмечает, однако, только две из них — «Победу на Кучума-царя» и «Историю Тобольского града архиереом», представляющие интерес, по его словам, «для суждения о Ремезове как историке и современнике крупной эпохи в истории России».⁴

Два других произведения не отмечены историографом Сибири, хотя и представляют несомненный интерес для историка древней Руси и для литературоведа-медиевиста.

* *
*

«Уподобление Сибирские страны» написано в 1697—1698 гг. Эти даты достаточно легко устанавливаются по двум совершенно точно датируемым реалиям. В рукописи упоминается некий «Яков-звездочет англичанин», в котором узнается Яков Вилимович Брюс. В конце 1697 г. он возвращается из Англии, где специально обучался астрономии. Именно с этого года имя Брюса связывается с изучением астрономии в России. Значит, «Уподобление» раньше конца 1697 г. не могло быть создано.

В то же время С. У. Ремезов упоминает как ныне существующего Бошохту-хана (Галдана элютов), который умер в конце 1697 г. Если считать, что слух о гибели Галдана дошел до Ремезова только по возвра-

¹ См.: В. Алексеев. Сын Тобольска — града стольного. — Урал (Свердловск), 1965, № 2, стр. 186 (о работе Е. И. Дергачевой в Тобольских архивах по выявлению и описанию материалов о С. У. Ремезове).

² ГПБ, Эрм., № 237. Описание этой рукописи см.: А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1. XVII в. М.—Л., 1960, стр. 135—147.

³ А. И. Андреев. Очерки..., стр. 135.

⁴ Там же, стр. 143. Подробнее о творчестве Ремезова-писателя см. в кн.: Е. Дергачева-Скоп. Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. Свердловск, 1965, стр. 3—97.

щении последнего из Москвы в феврале 1698 г., то *terminus ante quem* для «Уподобления» определяется 1698 г. Вполне возможно, что это произведение было написано в Москве (сентябрь—январь 1698 г.).

Таким образом, «Уподобление» было написано в конце 1697—начале 1698 г.

К этому времени С. У. Ремезов уже зрелый картограф, автор «Истории Сибирской», «Описания Сибири», вирш, философских статей о всеобщем значении разума и просвещения для развития общества, о значении знания «для всякой человеческой вразумительности». Ученый-самоучка с энциклопедическими для своего времени знаниями, С. У. Ремезов относит себя к тем «простолюдцам», которые в петровскую эпоху «работают философии разных наук», считая, что знания помогут уничтожить «распри» между людьми, ибо между «мудрыми сими» «великая живет любовь и подвиг беззавистно».⁵

Не имея систематического образования, С. У. Ремезов всю свою жизнь стремится заполнить пробелы в знаниях, одинаково интересуясь «учеными сочинениями» и казачьей литературой, притчами библейских мудрецов и произведениями устного народного творчества. Именно поэтому две стилистические струи сплетаются воедино в ремезовских произведениях — книжная и народная, составляя главную особенность стилистической манеры сибирского писателя.

В годы, предшествовавшие созданию «Уподобления», С. У. Ремезов много ездит по Сибири. Видимо, это новое знакомство писателя с Сибирью, ощущение проникновения в «тайны сибирского бытия» и выливаются в эмоциональный рассказ о «родной Сибирской земле», «похвалу» Родине — «Уподобление Сибирские страны».

«Похвала» состоит из двух статей и предисловия. В предисловии автор сообщает читателю, что Сибирь «не знаема бе и не описана до нынешнего лета». Между тем мы твердо знаем, что Ремезову известно не одно описание Сибири, традиционно сообщающее о «мере верст» между городами, о реках и урочищах Сибири, «о путях в слободы и в степь», о дороге в Китай. Более того, он создает такое же «описание», включая его в «Херографическую книгу». Наши недоумения разъясняет сам автор, сообщая, что будет писать не обычное «деловое» сочинение, а «уподобление», поэтическое сравнение Сибири с образом «мирного ангела», ибо именно перед ним Сибирь открылась впервые, по его словам, «не точнолицем и подобием, но и внутреннею, еже длина и ширина и округлость вся».

С. У. Ремезова не устраивают, однако, старые приемы сравнения государства с «красавицами». Он пишет «похвалу» Родине, и подобные поэтические сравнения кажутся ему «низкими». И если ранее, говорит писатель, страны уподоблялись философами красавицам «в пример скотозаблудного и сверножителнаго пребывания», то Сибирь «от тех красавиц горами отстоит, аки небо от земли правыми пути», и «чистота» нравов сибирских позволяет ему, С. У. Ремезову, говорить о своей Родине как о «мирном ангеле». «Как ангел заочно служит богу, так и сибирцы, — пишет Ремезов, — царевы враги воуют своєю кровию очистиша землю».

В полном соответствии с задачей — написать «хвалебную песнь» Сибири — С. Ремезов стремится показать «идеальность» ее и Тобольска — града «златоразрядного»: «яко невидима тма свету, так Тобольским уроженцам кривовертящиеся нравы» и «яко временем бывают человеку ядовитые плюгавства, тако приходящие пронырливые переходники в жи-

⁵ ГПБ, Эрм., № 237, л. 2.

лищи» сибирские («Чудесная статья»), даже «мздоимства», что как «жа железная, снедающая подножие скоб», разъедает Сибирь, — явление, занесенное в Сибирь «от пришлых».

В осуществление «похвалы» Родине С. У. Ремезов избирает главным приемом «аллегорическое уподобление», «подобие» Сибири «мирнаго ангела шталту» (ср. польск. *kształt* — «образ», «вид», «форма»), с другой стороны, той же цели служит и выдержанный в космографических тонах рассказ о «длине и ширине и округлости вся» Сибири, о богатствах «во всей земли в гобинах всеплодне», «благопотребных скотом, почину растением и тукостной покой». Именно поэтому основная часть произведения состоит из двух частей: «Подобие Сибири мирнаго ангела шталту» и «О грани и межах всей Сибири».

Рассказ «О грани и межах всей Сибири» в основном выдержан в традициях жанра космографий. Прежде всего С. У. Ремезов определяет место Сибири в соответствии с удалением ее от «среды мира от града Иерусалима в полунощи хладной страны, философски в части ребра Северова». И далее, вновь следуя космографическим описаниям, дает характеристику «воздуха» и четырех времен года «не яко в Иерусалиме»: «теплота весны значит майя в 9 числа, жаркость лета июля в 12 числах, перемена осени ноябрю в 3 числах, студен зимы инваря в 1 числах». Как и «космографы», С. У. Ремезов оценивает богатства страны. Но в отличие от космографических статей, которые при этом используют одну «традиционно-этикетную» формулу: «земля хлебородна, овощна и скотна, зверь розный, а в реках рыб изобилно», — С. У. Ремезов, следуя «этикету», пытается реализовать, конкретизировать его подробным и достаточно красочным описанием природных богатств Сибири: «Паче всех частей света, — восклицает он, — исполнена пространства и драгими зверми безценны, и торги, и приводы, и отводы преполны. Рек великих и средних заток и озер неизчетно, рыб изобилно множество и ловитвено, руд: злата и сребра, булату стали, красного железа, и укладу, и простова, и всяких красок на шелки, и камней цветных много».⁶ При этом С. У. Ремезов (вполне в духе петровского времени) сетует, что все эти природные богатства не могут быть освоены, так как «сибиряном неразумно», а от «иноземцов скрыто».

Многое в статье «О грани и межах» восходит к «описанию» — литературно-географическому жанру, получившему наибольшее развитие в литературе о Сибири XVII в., в связи с бурными географическими открытиями, быстрым освоением сибирских пространств, стремлением рассказать об этом читателю. Авторы таких сочинений (см., например, «Описание Сибири» Н. Венюкова, «Сказание о великой реке Амуре», «Книгу, а в ней писано путешествие царства Сибирского от города Тобольскаго и до самого рубежа Китайского» Н. Спафария, «Подлинное описание Сибирского государства» и т. д.) пытались рассказать не только о «мере верст» между городами, реками, но и о самих «городах и уездах Сибири, занятиях живших там народов», обратить внимание на пограничные земли.⁷

В какой-то степени эту цель преследует в «Уподоблении» и С. У. Ремезов. Именно поэтому в его сочинении появляются ставшие «этикетными» для сибирских «описаний» лексико-стилистические конструкции: «в полунощи же в море лды и стужи жестокие», «облежит границу жилья окол-

⁶ Ср., например, подобное описание Сибири у Аввакума в кн.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Гослитиздат, М., 1960, стр. 70, 85.

⁷ А. И. Андриев. Очерки..., стр. 70—71.

ных сосед ... превысокий Камень», «путь неоднак, ово водою, ово же горами конми, еленими, и лыжами, и нартами, и вельбудами».

Однако в отличие от авторов «описаний» С. У. Ремезов рисует обобщенную поэтическую картину всей Сибири. Его произведение не несет при этом дополнительной функции — делового географического документа, хотя его мысль «о пути вокруг Сибири ... Севером всем ... до Усть Амура-реки и Амуром вверх до Китайского рубежа ... по вершинам рек Аргуни и Селенги» можно считать одним из первых деловых предложений о возможном пути по Северному Ледовитому океану в восточные моря и Китай.⁸

И предисловие, и статья «О грани и межах» несут на себе ясный отпечаток «книжного» образования С. У. Ремезова. Мы уже замечали, что автор легко оперирует «штампами» космографической литературы. Непосредственное влияние оказывает на С. У. Ремезова и проповедническая литература. Использование поэтических особенностей этой литературы помогает С. У. Ремезову создать общий приподнятый тон в повествовании о родине — Сибири: «Судбами божними устроися, яко стена или град тверд, верхи имуще выше облак досягающе до небес!», — восклицает писатель и в другом месте как бы продолжает мысль: «... твердость состоятельного долняго и горняго пути, открытие мудре света евангельского в совершение детельного жительствова супруга с чады, потреба самодовольная во всей земли в гобинех всеплодне ... паче рещи, со всею тварию друголюбезен сущь» и т. д.

Часто употребляя слова чисто «книжного» происхождения (гобина, тукостной покой, долний и горний пути и т. д.), Ремезов вместе с тем не гнушается и оборотов деловой письменности, «отписок»: «а по смеге верст недомыслимо како где», «малое же число водного пути прямого все околишные» и т. д. Использование подобных оборотов не снижает общего «праздничного» «настроения» произведения.

Пытаясь создать «похвалу», С. У. Ремезов прибегает и к приему составления ложных генеалогий. Воспринимая лишь внешнюю форму построения их, не вдаваясь или не желая вдаваться в суть, Ремезов уверяет читателя, что «Сибирь» происходит «от Сибира, царя первоначального во стране», как и все иные грады на земле и страны «по имени своему название приемлет», и ставит Сибирское царство в один ряд с Иерусалимом, что «с вышняго названия словет» Византией, что «от Виза-царя», Москвой — «от праотца Мосоха» и т. д.

Превосходно зная историю татарских племен, целый ряд топонимических преданий — толкований названия «Сибирь» («от малой речки Сибирки, агаренски толкуетца метла»,⁹ от города Сибири, названного так по этой речке, «так бусурманская история поведает»,¹⁰ «Сибирь сиречь начальный»¹¹ и т. д.), С. У. Ремезов, видимо, считает, что все эти толкования не отвечают его задаче прославления Сибири. Поэтому, поступаясь исторической достоверностью, С. У. Ремезов допускает элемент вымысла

⁸ С. У. Ремезов, видимо, еще до написания этого произведения знал о существовании пролива между Америкой и Азией и о возможности плыть «Севером всем до Амура». Еще в начале 80-х годов XVII в. этот вопрос был поднят Ю. Крижаничем, на географические интересы которого несомненно влиял С. У. Ремезов Ю. Крижанич в «Повествовании о Сибири» пишет, что «Ледовитое море и Восточный океан» — один беспредельный океан.

⁹ «Херографическая книга» С. У. Ремезова. — *Jmagomundi, Supplement 1*, ж. — *Gravenhage*, 1958, р. 8.

¹⁰ Сибирские летописи. СПб., 1907, стр. 318.

¹¹ Там же, стр. 115.

и находит в Сибири (по аналогии с «иными странами») некоего «Сибиряцаря», заведомо зная, что такового не существовало.¹²

«Неловкость» подобного построения С. У. Ремезов пытается исправить в центральной части своего сочинения, в самом «Подобии», где излагается новое толкование слова «Сибирь», «согласно обруч твердой вокруг по нам». Этот обруч «венчает» главу ангела, которому «уподобляет» писатель Сибирь.

Называя свое сочинение «Уподоблением», С. У. Ремезов тем самым заставляет нас обратиться к риторикам «барокко», так как именно в них «Уподобление» зафиксировано как один из приемов, используемых авторами произведений ораторской прозы. Тем более что С. У. Ремезов не раз подчеркивал свое знакомство с «различными херографы, космографы, хронографы и риторики прознание». Однако, несмотря на то что писатель формально усвоил ряд приемов «риторических сочинений», он, не имея профессионального образования, столь необходимого для овладения сложными архитектурно-словесными построениями ораторской прозы, оформляет свое произведение в русле традиций русской литературы предыдущих веков, близких ему еще по «Истории сибирской».

Один из основных приемов, используемых Ремезовым, — прием аллегии. Притом совершенно в соответствии с требованиями «риторик» — аллегория не должна быть полной — С. У. Ремезов строит свое произведение на «двухчастных» предложениях: «десная рука» — палатный разряд, «шуица с персты — Березов с подрабцы» и т. д. Общая аллегория — «Сибирь удобие мирный ангел» — распадается на ряд «символов», обозначающих части Сибири. Этими символами становятся вполне «реальные» части фигуры ангела: глава, длани, золотая одежда, торок и т. д. Сам символ «произносится» автором в «высоких» словах: длань, десная рука, шуица, шуге крыло, два рамена ангельских и т. д. Реализацию этих символов Ремезов ведет в разговорных тонах: «десная рука — полатной разряд, на длани имуще — нижней посад с дородством всяких припасов и торгов» («Чудесная статья»); «десная рука с персты — угодные слободы с есты» и т. д.

Иногда в языковом отношении обе части «двусложных» построений выравниваются, однако не в пользу «книжности»: «теплостная шуба — Колыма до Гиляк»; «во все страны летячая стрела — тоболяк езда». И совсем уже в «пословичном» духе Ремезов пишет: «Булатный лук — сибирский нрав».

Становится совершенно очевидным, что приемы прозы «барокко» фактически далеки от «аллегорий» С. У. Ремезова. Как и в предыдущих частях сочинения, писатель свободно соединяет в повествовании элементы книжности и народного, разговорного, а иногда и делового языка, что совершенно не допускалось теоретиками «барокко». Наряду с эпитетами двусложными, чаще всего встречающимися в риторических произведениях: златоцарская (честь), благопотребная (земля), златоразрядный (град), благоухищенный (муж) и т. д., — С. У. Ремезова привлекает и простой эпитет: золотое (слово), булатный (лук), красный (сапог), теплостная (шуба) и т. д.

Тем не менее знакомство С. У. Ремезова с риториками «барокко» вполне очевидно. Он знает «уподобление», использует аллегии, цитирует космографы, прибегает к историческим параллелям из хронографов,

¹² Подтверждением этого является ремезовское этнографическое «Описание Сибири» (1698), в исторической части которого он по татарским летописям излагает историю Белой орды с момента ее образования и до падения. Никакого «Сибиряцаря» здесь не упоминается.

подбирает двусложные эпитеты. Но все эти приемы ложатся у сибирского писателя в добрую почву традиций той части древнерусской литературы, которую мы можем назвать народной, «фольклорной».

«Склад» ремезовского повествования в центральной части «Уподобления» представляет ритмизованную и рифмованную прозу, традиции которой идут еще от «Моления Даниила Заточника». С другой стороны, ритмизованные строки произведения напоминают «речь» «сказывателей» старин, в напевы которых все более настойчиво проникали элементы прозаического рассказа:¹³

Десная рука с персты —
 угодные слободы с есты;
 Шуица с персты —
 Березов с подрабцы;
 Правое с украины крыло —
 Тара от степи и Ямыш;
 Шуею крыло по Камени Полым
 до Зеленчика,
 Ледоватый океан чрез устья Енисейское
 и Ленское,
 Правая нога — красный сапог,
 Пространная слава — Лена с жильем,
 Шуя с сапогом —
 Сословные Мангазея с ясаком.

В то же время каждое из этих «двусложных» построений в отдельности является по форме народной пословицей. Афористичный, яркий язык центральной части «Уподобления» помогает С. У. Ремезову воссоздать «элементы зрительного образа», показать «Сибирь подобие мирнаго ангела шталту».

Автор «Уподобления Сибирские страны» ставит совершенно определенную задачу прославления Сибири, ее людей, пространств, богатств. Поэтому, с одной стороны, в «Уподоблении» развиваются лучшие традиции космографических жанров, с другой стороны, на географическом материале С. У. Ремезов воссоздает в обновленном виде жанр «похвалы», корни которого лежат в глубинах древнерусской литературы и который немаловажную роль сыграл в оформлении жанра оды в русской литературе XVIII в.

Изучение тематики «Уподобления» натолкнуло нас на мысль о близости этого сочинения С. У. Ремезова «Оде на день восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны» (1747 г.).

Интересно было бы провести подробное сравнение этих произведений. Однако произвести анализ их в пределах данной работы не представляется возможным. Мы лишь отметим главные идейно-тематические точки соприкосновения двух произведений конца XVII и первой половины XVIII в.

С. У. Ремезов и М. В. Ломоносов, воспевая Родину, прежде всего говорят о мире и тишине, как основе ее процветания.

Центральные части «Уподобления» и оды посвящены описанию родной земли, ее богатств (Ремезов говорит об Урале и Сибири, Ломоносов дает также главным образом географию Урала и Сибири). Оба писателя сетуют по поводу того, что богатства эти еще не освоены. Каждый для своей эпохи впервые вводит тему науки в литературное произведение. А мысли М. В. Ломоносова о подготовке ученых из народа (известные

¹³ См., например, песни о Ермаке из Сборника Кириши Данилова, записанные, видимо, на Урале, скорее всего в первой трети XVIII в., которые в своеобразной поэтической обработке включали в себя и летописи.

строки: «Что может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать») перекликаются с мыслью С. У. Ремезова о том, что время Петра дало возможность и «простоицам работать философии разных наук».¹⁴

Так ученые разных эпох независимо один от другого¹⁵ мыслят одинаковыми «категориями необходимости», названными самой эпохой.

Ремезовские сочинения «Уподобление» и «Чудесная статья» — вехи переходного этапа от жанра древнерусской «похвалы» к жанру оды, оформившейся уже в русле стиля «барокко» и получившей блистательный расцвет в классицизме.

л. 12

Уподобление Сибирские страны

Всякий град и страна из начала века и до днесь по имени своему название приемлет. Якож де Иерусалим с вышняго названия словет, Византия от Виза царя, Москва по имени праотца Мосоха, Казань от Казана царя, Сибирь от Сибири царя первоначального во стране с великого холма Алафийских гор.

Вся же наша преславная Сибирь от начала длины и ширины ни именем древле незнаема бе философы и не описана до нынешнего лета.

Ныне же яве нам всячески открыся, не точию лицем и подобием но и внутреннею, еже длина и ширина и округлость вся, не якожь древле^а уподобленные философыми красавицам страны в пример скотозаблуднаго и сверножительнаго пребывания.

Зде же ныне богом от начала Сибирь, аще и агарянски зовомо, но первое христиански удобие Сибирь — мирный ангел, а от красавиц далече и особо, и се горами отстоит, аки небо от земли, правыми пути. Настояще брежением нам по числу положен предел ангел божиих повелением зиждителивым, отвсюду соблюдая округлости ея различными храненияи христианскими орудии от належашх всяких зол. В тихости мирное за еже сего и мирнаго ангела вижу сибиряном разума обострения православия утверждение.

Твердость состоятелного долнаго и горнаго пути; открытие мудре света евангельского в совершение детельнаго жителства супруга с чады, потреба самодовольная во всей земли в гобинах всеплодне; благопотребен скотом, почину растене и тукостной покой, паче рещи, со всею тварию друголюбезен суцъ.

Подобие Сибири мирнаго ангела шталту

Глава Сибири мирнаго ангела удобь, еже вечный бог всему глава, иже бе сый и грядый вседержитель.

А еже вкруг имети главы сияние лучи подобне речь Сибирь, агаренски Цинбирь зовомо, согласне обруч твердой вкруг. Се же Сибири округлость вечного основания камени до тверди конца не имать вкруг по нам. И паче вечность, рече, неимуть скончатися грады Израилевы, дондеже приидет сын человеческий.

¹⁴ См. «Предисловие до ласкового читателя» в «Служебной чертежной книге» Ремезова (ГПБ, Эрм., № 237, л. 2—2 об.).

¹⁵ Впрочем, М. В. Ломоносов мог знать ремезовскую «Служебную чертежную книгу», которая уже к 40-м годам XVIII в., возможно, находилась в собрании Якова Мировича, вернувшегося из Сибири в Петербург после «прощения» его Елизаветой Петровной в 1741 г.

^а *Испр.*; в ркп. длевле.

Имуще во блещании златый венец с коруною, кудрявыи власы, еже в блещании драгих камней, православно повсюду Россия жизненно сияет. Злато — царская честь венец — самодержец; корона — слава и державная статья. Кудрявыи власы — указы^б тайные от свыше Сибири и явные деловые статьи, аки златое слово приятно сердцу.

Имуще над ушню тороцы — верные всеземцы и послушные языцы. Шталтом дородства с западу впрям на восток стоя.

Лицем же обратно с востоку на запад зрится удобь. Возраст славы от Москвы взяв, стояти рабско верою правды подобие возраста Христова. А еже обратно лицем вспять зрети, еже град первый с приходу — Верхотурье и прочие от Москвы заслугу воздаяния и снабдения особичного зрят вси прилежно.

Лице ж младостию светолепно светяще, еже сибиряне православно вечно пребываше. Сердце и внутренняя во всем — Тобольской. Тюмень и Томской^в два рамена, два града в Тобольску — златорозрядный и софейской.

Десная рука с персты — угодные слободы с есты; шуица с персты — Березов с подрабцы.

Правое с украинны крыло — Тара от степи и Ямыш; шее крыло по Камени Полым до Зеленчика, Ледоватый акиян чрез устия Енисейское и Ленское.

Правая нога — красный сапог, пространная слава — Лена с жильем. Шуя с сапогом — сословне Мангазея с ясаком. Подножие скоб — ржа железная, еже мздоимство в Сибири велий вред от пришлых в городех.

Теплостная шуба — Колыма до гияк.

Златая одежда — Иркуткой. Чрез Амур до Китай, Каменная стена и вострые рожки на немирные вражды украинны с жильи воююще враги.

Опорная трость — Нерчинской со свойствы. Обереж тверда и недреманный караул — Красной яр и Кузнецк.

Булатный лук — сибирский нрав. Во все страны летячая стрела — тоболяк езда. 12 об.

Стояние ангелу на тверди земней подобие понаравие твердо, ему же отвсюду окруженный воздух, тако сих деловой путь.

Яко ангел заочно служит богу, тако и сибирцы цареви^г враги воюют, своею кровию очистиша землю. Ангела единого в житии есть некрадомое за еже и прилог сибиряном приятно верен. Ему же во брежении идеже быти, яко возград злата добродетелей насадити. Сице мирному ангелу с богом на всей Сибирстей земли вся предиреченныя грады вечно возградити и миром утвердити.

О грани и межах всей Сибири

Тобольский град и Сибирь отстоит от среды мира от града Иерусалима в полунощи хладной страны, философски в части ребра Северова, в степи части на вселенней. Длина 90 градусов, и в ширине 700 миль, под небесною планидою солнцем, счастливою и красноцветущею, под размером зодияка два воздушнаго пояса.

Воздух над нами весел и в мерности здрав и человеческому житию потребен, ни добре горячь ни студен, студен же ниже 100 верст^д избылует паче теплоты. И четыре времени в нашей стране, не яко же во Иерусалиме. Теплота весны значит майя з 9 числа, жаркость лета июля

^б Испр.; в ркп. указ ^в Испр.; в ркп. Тобольско, Томско. ^г Испр., в ркп. црви
^д Испр.; в ркп. вер.

с 12 числех, перемена осени ноября в 3 числех, студен зимы генвар 1 числех. Земля хлебородна, овощна и скотна, опричь меду и винограду ни в чем скудно. Паче всех частей света исполнена пространством и драгими зверми безценны и торги привозы и отвозы преполны.

Рек великих и средних заток и озер неизчетно; рыб изобилно множество и ловитвено; руд золота и серебра и меди, олова и свинцу, булату стали, красного железа, и укладу, и простова, и всяких красок на шелки, и камней цветных много и от иноземцов скрыто, а сибиряном неразумно.

Делица же Сибирь на многие части в розмере воздуха к востоку, к полудни и западу и струг всей высокие каменные горы, безводные пещаные и малопроходные вкруп и простые жаркие места.

В полунощи же в море лды и стужи жестокие, а жителем удобны. По берегу же тундра и степи снежные. Из начала же Сибирь хладная часть и маложителна слыла, ныне же помалу распространися жительством до самого края Ледоватого моря, самого северного конца, непроходимого основания тверди каменной близ Северной Америки. Тут от моря дух смраден. И о сем Яков-звездочет англичанин, что под тою вершиною света собрание вод, островов и земель вкупе, яко, по его слову, опрокинути земля ниц.

Облежит гранию жилья околных сосед вечное основание превысокий Камень вкруг всю Сибирскую землю. Судбами божиими устроися, яко стена или град тверд, верхи имуще выше облак досягающе до небес, отделяюще Сибирь от орд высотой и широтою и малопроходством степи и моря недоведомыми и непроходными пути. Починается же славная Сибирь град с соседями от захождения средняго запада вкруг по обходу солнца от вершин рек Тобола и Еика, от земель Дербеской, Копчашской, Нагайской в прям с Уфою и Кунгуром, на Каму-реку и Камою вверх по пределом Вятки Хлынова, Кай-городка и Чердыни на океан море, и аканом праваго берега до Новой земли Голанец, и Ледоватым морем, минуя устья Оби и Енисея, Лены и Колымы, Севером всем до восточных камчедальских рек и Восточным морем до усть Амура и Амуром вверх до Китайского рубежа, степных рек до средняго востока, с Мунгальскою землею по вершинам рек Аргуни, Селенги и Юсов (?), Би и Катуня. Вершина Парабели, и они на великие озера Барабинские и Туралинския, а Калмыцкою землею на полудень з Бушухту-ханом, тайшами и степными их реками до Абраева городка, каменной заимки, и кочюртиному мию (?) на вершину Казачьи орды Дарьи-реки и чрез пески-бурлуки на ту же Копчажскую и Нагайскую землю. Окружение сибери всяя днями, неделями, годичное время. А по смете верст недомыслимо како где непроходных, многих местех путь неоднак, ово водою, ово же горами, конми, еленми и лыжами, и нартами, и вельбудами, вящее конми; малое же число воднаго пути прямаго все околишные и особходные в различные грады и места всей Сибири в краинах.

(ГПБ, Эрмитажное собр., № 237, л. 12—12 об.).